

– эпидемические – кладбища, основанные в связи с эпидемиями (холера, сибирская язва, чума, тиф, оспа и др.), постигшими данную местность, и вызвавшими массовую смертность, техногенными катастрофами и авариями вызвавшими устойчивую токсичность трупов. Эпидемические кладбища располагались вдали от застройки на неплодородных почвах с низким уровнем грунтовых вод. Трупы либо сжигали, либо засыпали известью. Небольшие скромные кладбища с братскими могилами отмечались на местности особыми знаками (например: холерное – крест св.Роха). Сейчас от них остались лишь следы. Отдельные захоронения опасны даже по прошествии длительного срока;

– сопутствующие кладбища. Эта группа кладбищ объединяет кладбища, неразрывно связанные с каким-либо объектом. Захоронения в пределах монастыря, внутри культового сооружения, около храма, при больнице, тюрьме;

– кладбищенский блок – кладбище в кладбище. Часть кладбищенского квартала, квартал, несколько кварталов, предназначенные для захоронений представителей правящей элиты и знаменитостей, иной или определенной конфессии, профессии, родовые или детские кварталы, военные и т.п.

Рамки статьи, к сожалению, не позволяют выполнить более развернутую типологию некрофаций, дать характеристики обрядам погребения и классификацию надгробий.

RESUME

The following article is written within the limits of work "Protection and possibilities of cultural-tourist use of old cemeteries of the Western Polesye". The author puts the problem to estimate tourist potential of the Brest necropolises in a context of ancient cemeteries of the Western Polesye, to develop classification of ancient cemeteries, to reveal possibilities and restrictions of use of places of burial places for tourism. To execute critical generalization of domestic and foreign experience of revitalization of the closed necropolises. To develop offers by revalorization technique of the ancient cemeteries. The developed recommendations have been approved in a pilot project of revitalization of the Trishinsky necropolis, and the project of lapidarium of the Jewish cemetery on street Tichaya in the city of Brest.

УДК 726.71(476) (091)

Лаврецкий Г.А., БНТУ, Минск

ИССЛЕДОВАНИЕ 2009–2010 гг. КРЕПОСТЕЙ-ХРАМОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Реставрационная практика – постоянный научно-исследовательский процесс. Поэтому, даже когда уже ведутся реставрационные работы, необходимо анализировать, искать объяснение выявленным элементам, их связь со всем объектом в целом. Это важно не только для коррекции проекта, но и для уточнения историко-архитектурных сведений. Так, при проведении комплексных научных исследований двух выдающихся памятников-ровесников – церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Мурованке и церкви святого Архангела Михаила в Сынковичах в процессе плановых расчисток были выявлены особенности, которые существенно могут изменить наше представление о своеобразной типологической линии развития белорусской архитектуры.

В XV в. в архитектуру Великого княжества Литовского приходят знаковые стилевые изменения. Многие из храмов приобретают вид укрепленного замка. Такое соединение стилевых и типологических признаков было широко распространено как в Византии, так и в Западной Европе. Подобный опыт имел множество примеров не только в сакральной архитектуре, но и в жилых, и в общественных зданиях. Можно сказать, что в понятии «храм-дом» появляется новая образная ветвь «храм-крепость». Однако, являясь характерным представителем стилевого направления, каждый из памятников обладает своим неповторимым архитектурно-художественным образом.

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Мурованке давно привлекает к себе внимание исследователей, специалистов в разных областях, связанных с изучением христианских святынь. С 1870-х годов историки, археологи, краеведы, а теперь и богословы, вносят свою лепту в изучение этого необычного памятника. В 1980-х годах был разработан проект реставрации, который дал возможность храму сохранить в целом конструктивные и архитектурно-пластические элементы. В 2007 г. начался новый этап изучения памятника. Многочисленные

перестройки XVI, XVII, XIX вв. исказили и во многом скрыли первоначальные конструкции и пластические детали этого уникального памятника. Цель данного этапа - выявить основные архитектурно-планировочные и объёмно-композиционные особенности памятника с целью атрибуции, моделирования процесса его возведения, выявления закономерностей построения архитектурной формы. В процессе изучения использовались различные методы, которые можно отнести к двум взаимосвязанным типам, предопределяющим друг друга: камеральные и натурные исследования. Особенность исследований на современном этапе состоит в необходимости максимально полного изучения структуры храма, анализа его стратиграфии и разработки проекта реставрации с экспозицией ценных аутентичных элементов, а также поздних стилистических наслоений.

В богословском аспекте архитектура церквей-крепостей имеет определённую символику. Неотъемлемой частью этой символики стал образ Богородицы. В церкви в Мурованке, как и в православной архитектуре в целом, архитектурные формы связаны с гимнографическими эпитетами Матери Божьей и, в первую очередь, с «Акафистом». Михайловская церковь в Сынковичах, Благовещенская церковь в Супрасле, Свято-Духова церковь в Кодно и др. имеют образ крепости. Параллель Богоматерь-Крепость имеет также развитую тему в «Акафисте»: «Хранилище всех и ограждение, и оутверждение, и священное прибежище» (песнь 4); «Крепость и оутверждение человеков» (песнь 5): «Пристанище нам буди влаующымся, и отишие в пучине скорбей и соблазнов всех борителя» (песнь 6).

Внутренность фасадов церквей, их подчёркнутый крепостной характер также связаны с восприятием Богородицы как Матери-заступницы православных христиан. Увеличение высоты стены зримо позволило увеличить и площадь оконных проёмов. Акафистный эпитет Богородицы «Светоносная палата» (экзапостиларий), по-видимому, воплотился в том, что больше внимания теперь в храмах уделяется свету. Узкие оконные проёмы раннеправославного периода белорусских церквей теперь сменяются высокими окнами.

В научно-реставрационной практике главным принципом является полное документальное обоснование всех предлагаемых решений. «Где начинается гипотеза, там кончается реставрация», - гласит Венецианская Хартия. Однако наша методика предлагает качественно иной путь. Всестороннее изучение историко-архитектурных особенностей эпохи, знание литургических правил и результатов других прикладных исследований дают возможность прогнозировать и тем самым более точно проводить комплексные научные изыскания. А такой прогноз, в свою очередь, определяет программу натурных исследований памятника. Проводимые опыты графической реконструкции очерчивают круг вопросов и выводят исследователя на мотивированные поиски. Эта методика опробовала себя на первом этапе исследований церкви в Мурованке, проводившихся в 2007–2008 гг.

Анализируя хорошо известные, хотя и значительно отредактированные в 1980-х гг. графические данные, невольно приходишь к мысли о несоответствии существующего объёмно-планировочного решения памятника в Мурованке канонам проектирования православных храмов, особенно если сравнивать планы объектов, современных исследуемому храму. В первую очередь это касается связи алтарной зоны и кафоликона. На плане мы видим проход из главной апсиды в восточные башни (протезис и диаконникон), которые, в силу их высотного развития, могли быть непосредственно связаны с пространством храма. Подобная пространственная связь алтаря с храмом наблюдается в Свято-Борисоглебской церкви в Гродно. Речь идёт о необычном устройстве хор и боковых продольных галерей гинекеев (устройство, обход по периметру храма, где во время литургии находились женщины). Входы на галереи устраивались не из кафоликонов, а из папертей или нартексов. Для священников и диаконов были особые входы на галереи изнутри церквей. Хотя к XIII в. правило упразднилось, можно было бы предположить, что это некий «запоздалый» местный приём. Однако данный факт никак не увязывается с существованием ниш для нескольких ярусов перекрытий, явно свидетельствующих о лестницах. Отсутствие выхода на предполагаемый балкон вдоль стен кафоликона также опровергает такое предположение.

С целью выяснения истинной системы планировки был заложен зондаж кладки в северо-восточном углу кафоликона. Раскрытие кладки проводилось в несколько этапов. Необходимо было выявить наличие росписей и исследовать красочные слои. Выяснилось, что штукатурный слой толщиной 1,5–2 см имеет несколько слоев поздней масляной покраски. Дальнейшие работы по раскрытию закладки прохода из кафоликона в северо-восточную башню никаких следов прохода не выявили. Зондаж штукатурного слоя в нише (сопредельной с кафоликоном) северо-восточной башни выявил закладку первоначального прохода (XV в.?).

Расширение зондажа по северной и алтарной стенам позволило нам уточнить параметры первоначальных стен. Оказывается, по всему периметру кафоликона производилась закладка

толщиной в 1 кирпич (на ширину тычка) до нижнего уровня окон. По-видимому, именно тогда были разобраны винтовые лестницы в восточных башнях. Кирпичные лестницы во всех четырёх башнях могли быть возведены в начале XVI в. вместо деревянных (об этом можно судить из документов, в которых Шимко Мацкевич указан как строитель церкви). Они не имеют перевязки со стенами и не попадают в ритм бойниц, часто полностью их закрывая. Многие из бойниц по этой причине были заложены. В это же время, возможно, был устроен балкон для певчих и прорублено круглое окно (документальное подтверждение этой гипотезы предусмотрено программой натурных исследований на 2010 год).

Зондажи кладки на западном фасаде (в настоящее время - восточная стена притвора) проводились в 2 этапа. Особый интерес вызвало раскрытие закладки поребрика на западном фасаде. Предварительная расчистка кладки поребрика показала, что штукатурка и покраска этого декоративного элемента позднего происхождения. Первоначально поребрик представлял собой ленту из чередующихся в шахматном порядке пережжённых (чёрных) и окрашенных, вероятно, в белый цвет кирпичей. Необходимы химические исследования окрашенных кирпичей с целью подтверждения предположения об их первоначальной покраске в белый цвет.

Наличие узоров из пережжённых кирпичей по периметру храма и отсутствие цоколя на главном фасаде дало возможность предположить более активное использование узоров из чёрного кирпича на главном фасаде (по аналогии с белорусскими готическими храмами XV–XVI вв., например, церковь в Кодно, францисканский костёл в Вильнюсе и др.). В результате проведённых зондажей декоративных узоров не обнаружено. В кладке стены западного фасада существует ряд тычковой кладки из кирпичей, поставленных на ложок, который не позволяет осуществить подобную декоративную программу.

В углу, образованном северной стеной притвора и западной стеной храма, найдена закладка, низ которой находится на уровне ряда тычковой кладки. Разборка закладки обнаружила амбразуру, вероятно, бойницу, аналогичную бойницам в угловых башнях. Возможно, она была заложена при устройстве балкона. Отверстие, которое должно выходить в интерьер храма, заложено кладкой по периметру стены. Примечательно, что на правой стороне западной стены симметричной бойницы не обнаружено. Найденная аутентичная бойница ещё раз доказывает оборонительное назначение сооружения.

Большой интерес представляют итоги расчистки и разборки поздней перемычки главного портала. Обнаружен аутентичный портал, выложенный из профильного кирпича. Найдены образцы лекального кирпича, который использовался при кладке портала. Штукатурка значительно исказила характер профиля портала. На внутренних поверхностях кладки портала обнаружены кирпичи, сбитые через ряд (заподлицо с плоскостью стены портала).

Под штукатуркой найдена хаотичная смешанная закладка. Под ней обнаружена разрушенная аутентичная кладка. Таким образом, портал был растёсан и дважды менял перемычку. Первый раз - сразу после удаления решётки в начале XIX в., второй - в конце XIX в. в ходе капитального ремонта, значительно искажившего внешний вид храма. Необходимы дальнейшие исследования (разборка пола в границах портала) для определения профиля портала. Изучение характера кладки стрельчатой арки портала (по имеющимся графическим источникам стрельчатой арки не существовало) показало, что данная кладка первоначальная и имеет декоративный эффект за счёт чередования пережжённого кирпича с несколькими обычными. Отсутствие этой арки (а также амбразуры, выявленной в ходе производства зондажей) на графических источниках, возможно, обусловлено тем, что сами источники представляют скорее проект реконструкции фасада, чем фиксацию его истинного состояния.

В ходе раскрытия портала была найдена также скрытая более 100 лет от исследователей аутентичная шахта, построенная для функционирования герсы. Это позволило уточнить конструктивный продольный разрез храма, в частности, конструкцию западной стены. Устроенная для подъёма решётки шахта заканчивалась на уровне балкона. Далее отверстие в один кирпич упирается в кладку круглого окна. Однако наличие выступа над сводами (в чердачном пространстве) даёт возможность предположить, что канал, через который опускалась цепь, державшая решетку, проходит насквозь. Это предположение необходимо подтвердить в следующем сезоне.

Церковь святого архистратига Божия Михаила в Сынковичах – еще один уникальный памятник белорусской архитектуры, сохранившийся до наших дней. Как и любое сакральное произведение, сынковичский храм содержит немало загадок, раскрывать которые будет еще не одно поколение историков архитектуры. Церковь Михаила Архангела – это и показатель уровня мастерства зодчих XVI в., и безмолвный свидетель исторических перипетий, и истинный хранитель веры в тяжкую годину.

Когда и кем была построена Сынковичская церковь – неизвестно. Отсутствие письменных документов дало возможность многим относить сооружение храма к X–XI вв. На основании четырех башен некоторые предполагали, что это мечеть или языческое капище. В описании Сынковичской церкви 1746 г., составленном кобринским игуменом о. Андреем Бенецким, упоминается о существовании купола. В «Акте визитации» 1760 г., кроме сведений о выделении в правление королевы Боны (1518–1556 гг.) средств на возведение (?) постройки, упоминается и «купол с железным крестом» посреди крыши. По-видимому, он был демонтирован в конце XVIII в. Тем не менее, остатки этой конструкции сохранились до наших дней. Какая их дальнейшая судьба, и как повлияют они на окончательный проект? В описаниях церкви есть сведения о существовании граффити, датированных 1347 и 1352 г., где упоминается имя князя Ольгерда.

Многочисленные перекладки стен, «инсталляция» окон в существующие стены значительно исказили первоначальный облик древнего сооружения. Совершенно очевидно, что вся алтарная часть вместе с башнями – позднейшего происхождения (архитектурно-стилистические особенности, состояние конструкций, свидетельствующее о явно позднем появлении восточной части храма и др.). Зондажи в стене, разделяющей притвор от храма, выявили наличие сводов в притворе. Оказалось также, что выступы, на которые опираются своды храма, пристроены (почти без перевязки) к внутренним поверхностям стен сооружения. Интересно и то, что ряд машикулей на южной стене уходит за восточную стену.

На данном этапе исследований возникла гипотеза, что и церковь Архистратига Михаила в Сынковичах, и Рождества Богородицы в Мурованке в большей степени не храмы, приспособленные к обороне, а крепости, которые впоследствии были переоборудованы в храмы. Об этом, в частности, свидетельствует, во-первых, тот факт, что кладка апсид обеих церквей не имеет перевязки швов с кладкой стен храма. Во-вторых, уровень закладки фундамента апсид значительно выше фундамента стен всего здания. В-третьих, невозможность пользования машикулями при отражении нападения и неудобство перемещения по «холмам» довольно тонких сводов. Существование большого числа бойниц, конструкция, связанная с герсой (Мурованка), ещё раз это подтверждают. В этом отношении нам предстоит длительная кропотливая работа по изучению и непосредственно конструкций обеих крепостей-храмов, и историко-архитектурных аналогий.

Тем не менее, образный и функциональный языки архитектуры неразделимы. Синтезированное понимание храма как места защиты в духовной и реальной брани воплотилось в появлении на Беларуси уникальных святынь, ставших истинными символами самосознания, крепости и величия народа.

RESUME

This article is about outstanding architectural monuments of XV c. in Murovanka and Synkovichy. In Belarusian architectural history they are named "stronghold churches". They have elements of both fortress and gothic sacral architecture. Contemporary scientific research, made by the author have shown that the fortresses had been reconstructed as orthodox churches.

УДК 726.5

Никитчик А.Д., Никитчик Т.А., БрГТУ, Брест

СВЯТО-НИКОЛАЕВСКИЙ СОБОР ВЕЛИКОГО ГРАДА ВЕЛИКОГО БЕРЕСТЬЯ. НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ И АРХИТЕКТУРУ

Храм этот до самого своего конца служил человеку Берестья, гражданину Бреста, священнику Великого Берестя, одновременно являясь его верховным духовным пастырем, он был задуман человеком, возведен, возвеличен человеком и разрушен руками человека. Интервал времени, исследуемый в этой публикации, составляет 245 лет, т.е. от привелея Витовта, даты первого упоминания в 1412 г. до «мирного шведского фестиваля» в городе, в мае 1657 г.

Церковь Св. Петра, поставленная Владимиром Васильковичем, не дожидая до правления польско-литовского короля Ягайло и в его Привелее 1390 г., не упоминается. Затем был другой Привелей, Великого князя ВКЛ Витовта от 1412 г. «Брестскому костелу Святого Креста...» в котором о церкви Св. Петра нет ни слова, но появляется упоминание церкви Святого Николая (Synagoga Ruthenicum Micula). Место церкви Св. Петра заняла церковь Святого Николая, первая церковь «литовской истории» города.